
МУЗЕЙ

Беспалая М.А.

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЙ НА ЗАРОЖДЕНИЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ (XIX—НАЧАЛО XX вв.)

Беспалая, Мария Аркадьевна — доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет культуры и искусств, Республика Беларусь, Минск, kafistbel@gmail.com

В статье рассматривается социокультурная ситуация в белорусских губерниях XIX—начала XX вв. и ее влияние на развитие здесь музейного дела. Автор концентрирует внимание на своеобразии формирования белорусской национальной идеи, музейного движения как ее воплощения, раскрывает взаимовлияющие положительные и отрицательные факторы этого явления. Источниковедческую основу составил документальный материал музейных фондов, историографию — научные разработки отечественных и зарубежных историков и музеологов.

Ключевые слова: белорусские губернии, белорусский этнос, белорусская культура, музей, экспозиция, музейный предмет.

THE IMPACT OF THE SOCIO-CULTURAL SITUATION IN THE BELARUSIAN PROVINCES OF THE XIX—EARLY XX CENTURIES ON THE MUSEUM MOVEMENT

Bespalaya, Maria Arkadievna — Doctor of Science in History, Professor, Belarusian State University of Culture and Arts, Republic of Belarus, Minsk, kafistbel@gmail.com

The publication presents the review of the socio-cultural situation in the Belarusian provinces (gubernias) of the XIX—early XX centuries and its influence on the museum movement. The article concentrates on the peculiarity of the formation of the Belarusian national idea. The author concludes the museum movement to be the embodiment of the national idea. The interacting positive and negative factors of the phenomenon are revealed. Documentary sources of museum funds and research of historians and museologists served as the basis for the study.

Key words: Belarusian gubernias, Belarusian ethnos, Belarusian culture, museum, exposition, museum item.

Из всех факторов, характеризующих процесс формирования нации, мы выделим два: первый — наличие национального движения; второй, предложенный М. Грохом, — память об общем историческом прошлом. На наш взгляд, они имеют основополагающее значение для раскрытия избранной темы. Их взаимосвязь и взаимодействия выразительно проявились как в идее, так и в процессе создания национального музея.

Современная белорусская гуманитаристика достаточно активно занимается изучением социокультурного развития белорусских губерний в XIX — начале XX вв. посредством

этнографических, литературоведческих, исторических исследований. Особенно активизировался научный поиск в последние десятилетия. Его результаты отражены в монографиях, коллективных научных сборниках, материалах многочисленных конференций. Однако проблема взаимовлияния формирования национального самосознания, представления об общем историческом прошлом и музейного движения XIX — начала XX вв. учеными не затрагивалась. В то же время самый известный в республике исследователь истории музейного дела доктор исторических наук, профессор А.А. Гужаловский издал ряд монографий и учебников для студентов, обучающихся по специальности «музейное дело и охрана историко-культурного наследия»¹, в которых максимально подробно отразил процесс развития музейного дела от его зарождения в форме частного коллекционирования до современного состояния.

Рассматриваемый нами период представлен фактами о знаменитых коллекционерах и их частных собраниях: известном орнитологе Константине Тызенгаузе, основателях белорусской археологии братьях графах Константине и Евстафии Тышкевичах, государственном деятеле и меценате графе Н.П. Румянцеве, который в 1813–1826 гг., проживая в основном в Гомеле, активно поддерживал исследования в архивах Полоцка, Турова, Могилева и др., на его средства был издан протоиреем И.И. Григоровичем «Белорусский архив древних грамот» и, как дополнение к нему, «Словарь коренных белорусских слов». При участии Н.П. Румянцева был найден памятник эпитафии XII в., т. н. «Борисов камень».

В работах А.А. Гужаловского приводятся многочисленные сведения о коллекциях местных помещиков Адама Гюнтера, Теодора Нарбута, Вандалина Пусловского, графа Эмерика Гуттен-Чапского, И.Хр. Колодеева, А.К. Ельского, представителей других сословий — купца И.И. Соболящикова, общественного деятеля Ивана Луцкевича, адвоката Вацлава Федоровича, коллекционера Генриха Татура, крестьянина Иосифа Мороза и др. В отдельные параграфы выделены материалы о музейных коллекциях в учебных учреждениях (Виленский университет, Горы-Горетский земледельческий институт, Полоцкий кадетский корпус) и музеях при научных обществах (Виленский музей древностей при Археологической комиссии, музеи при статистических комитетах, церковно-археологические музеи) и др.

Столь подробное перечисление примеров мы использовали для доказательства активного развития первичных форм музейного дела в белорусских губерниях в рассматриваемый период. Но до создания общенационального музея дело не дошло, хотя первые шаги в этом направлении были сделаны. Они проявились в создании Виленского музея древностей, Минского городского музея, остатки коллекций которого после 1919 г. пополнили фонды областного музея в Минске, в постепенной эволюции историко-краеведческой коллекции И.И. Луцкевича, которая завершилась в 1921 г. созданием в Вильно Белорусского историко-этнографического музея им. И. Луцкевича.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют, с одной стороны, об активном развитии музейного движения в XIX — начале XX вв., с другой — о его недостаточном потенциале для создания общеполитического музея. В чем же причина этого? На наш взгляд, она очень сложна и многогранна и напрямую связана с условиями формирования белорусской нации. В последнее время в специализированных журналах появляются статьи, посвященные различным аспектам отражения национального процесса в музейной среде².

¹ *Гужалоўскі А.А.* Нараджэнне беларускага музея. Мінск, 2001 и другие работы автора.

² *Дианина Е.* Музейный век в России // Музеология — музееведение в XXI веке. Проблемы изучения и преподавания: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 20–31; *Филимонов А.Е.* Национальная идентичность в пространстве музея: Метрополитен-музей и Национальный музей

В Западной Европе национальное самосознание формируется на рубеже XVIII–XIX вв. Суть национальной идеи, ее проявление в искусстве, народном творчестве, историческом прошлом, идеализированный образ нации, ее отличие от других были сконцентрированы в национальных музеях или галереях Лондона, Парижа, Будапешта, Праги и др. Современные исследователи рассматривают подобные музеи как «знаковые элементы хорошо оснащенного государства»³.

Идеи национального единства с разной активностью в первой половине XIX в. стали зарождаться и распространяться главным образом среди славянских народов Центральной и Восточной Европы. Основанием этого процесса, характерного для всех этносов, несмотря на разные исторические истоки и условия, стали общеевропейские идеи романтизма. Они формировали образ самоотверженного героя-борца за свободу, содействовали представлениям об историческом прошлом народа как об идеальном времени, т. е. создавали символы национального начала.

На территории Беларуси данный процесс приобрел своеобразные черты. Во-первых, значительная часть местной полонизированной шляхты восприняла идеи романтизма как возможность использовать их в деле возрождения Речи Посполитой, которую она считала своей родиной, идеализируя историческое прошлое. Во-вторых, большинство населения белорусских губерний составляло крестьянство, которое сохраняло и продолжало развивать традиционную культуру во всем ее многообразии: в повседневной жизни, усадебном строительстве, обрядовых и праздничных действиях и т.д. Из поколения в поколение передавались сказки, присказки, разнообразный песенный фольклор, отражающий календарный цикл крестьянского труда. В-третьих, в начале XIX в. отдельные представители шляхетского сословия начинают обращаться к историческому прошлому народа и его культуре. Преимущественно это были выходцы из среды небогатой шляхты и семей униатского духовенства, которые окончательно не порвали связь с народом, его языком и культурой.

Первые документальные свидетельства общего исторического прошлого были найдены профессорами Виленского университета, выходцами с этнических белорусских земель М. Бобровским и И. Даниловичем. Занимаясь поисками документов периода Великого Княжества Литовского, они нашли текст белорусско-литовской летописи в Супрасльском монастыре (ныне — территория Польши). Этим было положено начало изучению летописания ВКЛ. Затем в архиве графа Н.П. Румянцева оказались собрания законов Великого Князя Литовского (1440–1492) и короля польского (1447–1492) Казимира Ягеллончика, которые известны под названием «Судебник 1468 года».

Результатом многолетнего труда И. Даниловича стало издание «Книги посольской метрики Великого Княжества Литовского» и «Скарбонки актов», в которой опубликовано 2 383 древних документа. Им был обнаружен один из древнейших кириллических памятников — Супрасльский кодекс XI в., включенный в реестр «Памятники мира» международного проекта ЮНЕСКО⁴. Безусловно, научная деятельность И. Даниловича и М. Бобровского содействовала распространению исторических знаний и внимания

Соединенных штатов в конце XIX — начале XX в. // Музей — памятник — наследие. 2017. № 1. С. 18–28. См. по адресу: <http://museumstudy.ru/muzej-pamyatnik-nasledie-1-2017> (ссылка последний раз проверялась 30.04.2018).

³ Дзюнина Е. Музейный век в России. С. 20.

⁴ Пустаход Т.С. Навукова-педагагічная і асветніцкая дзейнасць М.К. Баброўскага (1784–1848 гг.). Дысертацыя на саісканне вучонай ступені канд. гіст. нав. Мінск, 2018. С. 2.

к прошлому Великого Княжества Литовского — государства, в территориальных и хронологических рамках которого происходило развитие белорусского этноса и формирование белорусской народности.

Научные дискуссии, которые развернулись в первой половине XIX в. между польскими и российскими учеными по вопросу этногенеза белорусов, превращались в политические, т.к. каждая сторона доказывала свое право на историческое прошлое Беларуси. Свою позицию, сначала достаточно скромно, начали обозначать и местные уроженцы. Их исследовательская деятельность поддерживалась Виленским университетом, Варшавским товариществом друзей наук, Петербургской академией наук и др., отдельными меценатами как с польской, так и с российской стороны. Например, князь Адам Чарторыйский оказывал помощь уроженцу Логойщины Зориану Доленга-Ходаковскому в исследовании археологии, фольклора, этнографии, диалектов местного населения. Исследователь доказывал своеобразие белорусского языка через топонимику, определил территорию его бытования.

В первой половине XIX в. уроженцы Беларуси внесли значительный вклад в изучение ее истории. Особо отметим деятельность Теодора Нарбута, военного инженера, одного из авторов плана строительства Бобруйской крепости. Высокообразованный человек, владеющий девятью иностранными языками, заинтересовался археологическими находками. После выхода в отставку по состоянию здоровья он начал профессионально заниматься историей. Результатом стала публикация в 1835–1841 гг. 9-томной «Истории литовского народа».

Интересное свидетельство культурной и общественной жизни в белорусских губерниях оставил А. Верига-Даревский, уроженец Лепельщины, известный публицист и переводчик. Например, он перевел на белорусский язык поэму А. Мицкевича «Конрад Валенрод». А. Верига-Даревский вел «альбом», в котором оставили записи, стихи, автографы многие известные писатели, ученые, общественные деятели края, в том числе и на белорусском языке.

Таким образом, на наш взгляд, очевидным является факт зарождения интереса к белорусской истории, языку и культуре среди образованных слоев местной шляхты. Но считать эти примеры признаком формирования национального движения будет преувеличением. Надо признать, что процесс полонизации шляхты продолжался, а некоторые исследователи, например, М. Довнар-Запольский считают, что он был даже активнее, чем в предшествующий период⁵. Этому содействовала политика императоров Павла I и Александра I в отношении шляхты и католической церкви. Они поддерживали деятельность ордена иезуитов, центром которого стал г. Полоцк, где существовал коллегиум, а с 1812 г. — иезуитская академия. Школы, которые действовали в белорусских губерниях, отдавались под управление местных властей. О содержании обучения может свидетельствовать тот факт, что попечителем Виленского учебного округа долгое время (до 1823 г.) был известный польский общественный деятель и патриот А. Чарторыйский, ближайшее окружение которого составляли известные полонифилы Ф. Чацкий, Г. Коллонтай, И. Лелевель и др. Их деятельность оживила процесс полонизации молодого поколения белорусов.

В то же время слабые ростки интереса к истории и культуре народа, среди которого они родились и живут, и добровольный выбор в пользу языковой и политической

⁵ Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. Минск, 2003. С. 296–298.

полонизации в культурной шляхетской среде взаимодействовали, порождая новые социокультурные формы.

Большое влияние на состояние общественного музейного движения оказали взгляды Томаша Зана, бывшего участника тайных молодежных обществ 1817–1822 гг. в Виленском университете, сосланного в Оренбург. Здесь он пробовал создать местный краеведческий музей, который должен был стать источником изучения родного края и быть доступным для местного населения⁶.

Свое видение и опыт создания регионального музея Т. Зан изложил в 1830 г. в работе «О целях и способах содержания предполагаемого Музеума в Оренбурге». Основная идея, высказанная автором — необходимость создания национального музея, в котором должны найти отражение природа и экономика империи, потому что, по его словам, «памятники греков и римлян знаем лучше, чем наших славян». Национальный музей должен содействовать просвещению народа, а для достижения этой цели Т. Зан предлагает оригинальный проект создания разветвленной сети региональных музеев, центром которой должен стать национальный музей⁷.

В первой половине XIX в. сформировалась большая группа исследователей белорусской старины, археологов, этнографов, историков, среди них А. Киркор, Вл. Сыркомяля, братья К. и Е. Тышкевичи и др. Во многих имениях создавались частные коллекции. Логичным продолжением этого процесса стало создание Виленского музея древностей по инициативе Е. Тышкевича. Его финансово поддерживали многие влиятельные лица, в том числе, граф Э. Чапский, Скирмунты, Горваты и др. С одной стороны, музей выступал как центр сохранения артефактов истории и культуры, с другой — его создание совпадало с общеевропейской тенденцией образования национальных музеев. Но в основу деятельности музея не была положена идея сохранения и популяризации культуры титульного этноса, поэтому он не стал символом национального начала в процессе формирования белорусской нации, оставаясь на уровне элитарного регионального культурного и научного центра.

Виленский музей древностей обладал достаточно богатыми коллекциями. Нумизматическая состояла из 3 000 предметов, археологическая — около 2 000; коллекция гравюр, географических карт, атласов насчитывала около 1 000 предметов. Библиотека располагала почти 1 000 томов. Формирование музейного собрания происходило за счет частных пожертвований. Так, орнитологическую коллекцию передал в музей Р. Тизенгауз, материалы своих археологических раскопок — А. Киркор и И. Крашевский, Е. Тышкевич — около 300 предметов, поступила в музей коллекция оружия графа С. Косоковского, фамильный архив князей Сапег и др.⁸

Таким образом, с момента открытия в 1856 г. Виленский музей представлял собой собрание богатых и разнообразных коллекций. Достаточно популярным был музей среди населения Вильни и всего белорусского края, о чем свидетельствует отчет о деятельности, согласно которому в 1856 г. его посетило почти 7 000 человек, в 1857 — 11 800. По какому пути пошло бы развитие музея в дальнейшем, превратился бы он в главный музей белорусского края или нет, сказать сложно. Во всяком случае его создатели ставили перед собой близкую к этому цель: создать атмосферу торжественности, величия

⁶ *Гужалоўскі А.А.* Нараджэнне беларускага музея. С. 75.

⁷ *Модестов Н.* Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1917. Вып. XXXV. С. 21.

⁸ Записки Виленской археологической комиссии. Вильно, 1856. № 1. С. 60.

прошлого Родины. Внешне это выглядело так: перед входом были развешаны штандарты с изображением гербов Вильни, Гродно, Минска и др., поставлены бюсты прославленных предков, военная амуниция былых времен и др. Создатель музея Е. Тышкевич подчеркивал, что под названием «Виленский музей» он понимал собрание предметов, которые, как в зеркале, отображали бы жизнь и деятельность литовско-русского народа на каждом этапе его существования⁹.

Сотрудники Виленского музея древностей планировали создание публичных курсов, которые должны были положить начало научному товариществу, осуществляли активную исследовательскую деятельность в области профильных наук, издавали «Записки Виленской археологической комиссии». Но вместе с тем инициаторы создания Виленского музея древностей не предусматривали использование представленных в музее коллекций и предметов для популяризации национальной идентичности и общего исторического прошлого их создателей. После подавления восстания 1863–1864 гг. комиссия, созданная по инициативе генерал-губернатора М.Н. Муравьева, признала музей идеологически вредным учреждением и приняла в 1865 г. решение объединить музей с публичной библиотекой. Все попытки доказать, что в музее «...польских предметов почти нет. Все, что есть, местное, литовско-русское», не привели к отмене решения¹⁰.

Во второй половине XIX—начале XX вв. в России шло распространение национальной идеи среди широких слоев населения, сопровождавшееся активными публичными дебатами и музейным бумом. Этому способствовали реформы 1860–1870-х гг., которые вызвали положительные изменения в экономической, общественно-политической и социальной сферах и были тесно связаны с модернизацией. Важное значение приобретали такие явления, как урбанизация, социальная и территориальная мобильность населения, особенно среди носителей традиционной культуры — крестьянства.

В это время шляхта белорусских губерний принимает активное участие в восстании 1863–1864 гг. за возрождение Речи Посполитой. На наш взгляд, в условиях активизации национального сознания в былых ее частях цель восстания не могла быть достигнута. Формирующиеся национальные элиты выдвигали противоположные задачи — формирование движения за создание национальных государств. Уже в период подготовки один из руководителей восстания — Кастусь Калиновский — выдвинул идею о праве на самоопределение народов, населяющих бывшую Речь Посполитую — украинского, белорусского, литовского и польского. Взгляды К. Калиновского в дальнейшем были поддержаны выходцами из шляхты — студентами, интеллигенцией, разночинцами. К началу XX в. идея необходимости самоопределения белорусов была распространена достаточно широко в среде интеллигенции и грамотного крестьянства. Выделяется группа литераторов — Ф. Богушевич, Я. Лучина, А. Гуринович, Я. Купала, Я. Колас, А. Пашкевич, М. Богданович, которые создают произведения на белорусском языке, печатаются в белорусских издательствах в Санкт-Петербурге и Вильно, сначала и на кириллице и на латинице, затем на кириллице.

Параллельно происходил процесс организационного оформления национального движения. Начало этому было положено в 1884 г. студентами-белорусами Санкт-Петербургского университета, которые создали группу «Гомон» и выпустили два номера журнала с таким же названием. Участники группы первыми публично заявили о существовании белорусского народа, его культурной самобытности, богатом историческом прошлом

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 28.

и подняли вопрос о национальной самостоятельности. Тем самым студенты-гомоновцы стали инициаторами оформления белорусской национальной идеи.

«Мужицкая правда» К. Калиновского и журнал «Гомон» способствовали вовлечению широких кругов населения белорусских губерний в социальную коммуникацию, посредством чего происходило ознакомление и восприятие национальной идеи. Данный процесс ускорился после выхода в 1906 г. сначала газеты «Наша доля», затем «Наша нива».

В начале XX в. была создана первая национальная партия — Белорусская социалистическая громада. В ее программе были сформулированы требования по национальному, аграрному, социальному и другим вопросам. Партия поддерживала идею автономии Беларуси в составе Российской демократической федеративной республики.

К своеобразию национального движения во второй половине XIX — начале XX вв. в белорусских губерниях нужно отнести следующие обстоятельства. Во-первых, в нем фактически не принимало участие городское население, т.к. согласно переписи 1897 г. в городе проживало 14,5 % белорусов, 53,5 % евреев, 17,7 % русских и 11,6 % поляков, 2,7 % представителей других этносов¹¹. Во-вторых, торгово-промышленная буржуазия в белорусском крае была представлена еврейскими купцами, финансистами и промышленниками. Они не интересовались и финансово не поддерживали национальное движение белорусского этноса. Некоторую финансовую помощь оказывали представители местных землевладельцев (М. Радзивилл, Э. Вайнилович, Р. Скирмунт, А. Ельский и др.), а в целом белорусское национальное движение имело очень слабую материальную базу.

К сожалению, в системе образования в белорусских губерниях отсутствовал компонент воспитания национального сознания, т.к. выполнялась общеимперская задача воспитывать население согласно триаде: самодержавие — православие — народность. Причем, согласно официальной точке зрения, народность, без сомнения, должна была развиваться в рамках самодержавия и православия. Представители всех общественных течений не принимали во внимание зарождение национальных идей и движений.

Можно присоединиться к словам французского историка о том, что нацию создает хороший учебник истории, и добавить, что хороший музей является ее достойной иллюстрацией. Что касается первого, отметим: в тогдашних условиях учебник белорусской истории не мог найти применения. К тому же его еще и не существовало. В 1910 г. появилась «Краткая история Беларуси» В. Ластовского, которая печаталась в газете «Наша нива».

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что объективные условия не способствовали распространению национальной идеи среди основной массы населения белорусских губерний.

В области музейной деятельности продолжалось создание частных исторических коллекций. Наибольшее значение приобрело собрание Ивана Луцкевича, которое сформировалось до 1906 г. на основе его археологических и этнографических экспедиций и имело историко-краеведческий профиль. Коллекция И. Луцкевича была выставлена в редакции «Нашей нивы», что позволяло многим посетителям ознакомиться с собранием артефактов белорусской истории. По его инициативе редакция «Нашей нивы» обратилась к читателям с призывом создать белорусский музей: «Призываем всех, кто

¹¹ Города России в 1910 г. СПб., 1914. С. 554–557.

сочувствует возрождению 10-миллионного белорусского народа, помочь нам в создании музея»¹². В призыве соединялись идеи взаимозависимости национального возрождения и создания музея, отражающего исторический путь нации.

Но Первая мировая война перечеркнула планы И. Луцкевича и его соратников. Он отказался эвакуировать собрание вглубь России, продолжая работать в Вильно до своей безвременной смерти. В 1921 г. на основе коллекции И. Луцкевича в Вильно был создан Белорусский музей, который действовал в 1921–1946 гг. и носил имя собирателя. После Великой Отечественной войны некоторые коллекции этого музея пополнили фонды Государственного музея БССР и Государственного художественного музея БССР, большая и лучшая часть коллекций осталась в музеях Литовской ССР.

Таким образом, очевидно, что среди деятелей национального движения культивировалась идея создания белорусского музея, которая была осуществлена уже после великих потрясений 1917–1920 гг. Музей был создан в Вильно, т.к. этот город в начале XX в. являлся культурным и организационным центром Белорусского национального движения.

Минск на рубеже XIX–XX вв. постепенно превращался в экономический центр белорусского края и представлял собой мультикультурное пространство, в котором сосуществовали и взаимодействовали русская, белорусская, польская, еврейская и другие культуры. Их носители создавали различного рода благотворительные, любительские просветительные, спортивные, художественные общества, проводили разнообразные мероприятия. Минская интеллигенция выступила с инициативой создания церковно-археологического музея, который был открыт в 1908 г.

Самое активное участие служащие различных государственных учреждений, землевладельцы, интеллигенция приняли в создании Минского городского музея как составляющей части Минского общества любителей естествознания, этнографии и археологии. Несмотря на интерес к местной традиционной культуре и истории и задачу их изучения, создатели музея не поддерживали белорусскую национальную идею. Частные лица передавали в музей коллекции морских ископаемых, бабочек, семян, географических карт, древесных пород и т.п. В 1913 г. состоялась первая выставка музейных коллекций, но в отличие от образования исторического музея в Москве, начало которому также было положено выставкой общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в Минске такого не произошло. В связи с событиями Первой мировой войны деятельность Минского городского музея фактически прекратилась¹³.

Таким образом, можно утверждать, что оба процесса — формирование национального движения и создание национального музея как маркера зрелости национального сознания, в XIX—начале XX вв. в белорусских губерниях находились на стадии зарождения и становления. Этому способствовали условия, возникшие в период модернизации: социальная мобильность (вертикальная и горизонтальная), социальная коммуникация населения, наличие группы патриотически настроенной интеллигенции, которая ставила цель распространения среди широких слоев населения национального сознания, формирования представления о едином историческом прошлом и культурной идентичности. К сожалению, и этот процесс, и музейное движение, которое имело своей конечной целью доказательство с помощью конкретных материальных предметов и документов своеобразия национальной культуры, были прерваны Первой мировой войной и событиями 1917–1920 гг.

¹² См.: *Гужалоўскі А.А.* Нараджэнне беларускага музея.

¹³ Наша нива. 1912. 13 сентября. С. 3; Фонды Национального исторического музея Беларуси. КП 6901. Л. 7–16.

Список литературы

Гужалоўскі А.А. Нараджэнне беларускага музея. Мінск: НАРБ, 2001. 106 с.

Дианина Е. Музейный век в России // Музеология—музееведение в XXI веке. Проблемы изучения и преподавания: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: [Б. и.], 2009. С. 20–31.

Довнар-Запольскій М.В. История Белоруссии. Минск: Беларусь. 2003. 680 с.

Пустаход Т.С. Навукова-педагагічная і асветніцкая дзейнасць М.К. Баброўскага (1784–1848 гг.). Дысертация на саісканне вучонай ступені канд. гіст. нав. Мінск, 2018. 187 с.

Филимонов А.Е. Национальная идентичность в пространстве музея: Метрополитен-музей и Национальный музей Соединенных штатов в конце XIX—начале XX в. // Музей—памятник—наследие. 2017. № 1. С. 18–28.

References

Dianina, K. *Muzeyny vek v Rossii* [The Museum Age in Russia], in *Muzeologiya—muzeyevedeniye v XXI veke. Problemy izucheniya i prepodavaniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* Saint-Petersburg: [Without name of Publisher], 2009. P. 20–31. (in Rus.).

Dovnar-Zapol'skiy, M.V. *Istoriya Belorussii* [History of Belarus]. Minsk: Belarus' Publ., 2003. 680 p. (in Rus.).

Filimonov, A.E. *Nacional'naja identichnost' v prostranstve muzeja: Metropoliten-muzej i Nacional'nyj muzej Soedinennyh shtatov v konce XIX—nachale XX v.* [National Identity in the Museum: The Metropolitan Museum and the United States' National Museum in the Late XIX—Early XX Century], in *Muzej—pamjatnik—nasledie*. 2017. Vol. 1. P. 18–28. (in Rus.).

Guzhaloŭski, A.A. *Naradzhenne belaruskaga muzeja* [The birth of the Belarusian Museum]. Minsk: NARB Publ., 2001. 123 p. (in Belarusian).

Pustakhod, T.S. *Navukova-pedagagichnaya i asvetnitskaya dzeynaststs' M.K. Babroŭskaga (1784–1848 gg.). Dysertatsyya na saiskanne vuchonay stupeni kand. gist. nav.* [The academic, pedagogical and educational activity of M.K. Babrovsky (1784–1848). Dissertation of candidate of historical sciences]. Minsk: [Without name of Publisher], 2018. 187 p. (in Belarusian).